

Ключевые слова:

право, правовое государство, философия права, социология права, феноменология

А. П. Альбов, д. ю. н., проф.,
зав. кафедрой «Государственное и муниципальное право»
Академии бюджета и казначейства Минфина России
(e-mail: aap62@yandex.ru)

Феноменологический метод в русской философии права

Важнейший элемент современного правосознания — научное мировоззрение, опирающееся на факты и логику познания общественных отношений. Вместе с тем именно сегодня, после тотального господства в нашей стране вульгарного позитивизма, возрастает роль духовных ценностей в структуре правосознания, а значит, роль философии, истории, социологии в процессе правопонимания. Феноменологический метод, разрабатываемый русскими правоведами и основанный на интуиции всеобщего, представляет собой познавательный прием, открывающий перед исследователем ряд совершенно новых отношений и парадигм.

Конец XX века, ставший для России новым испытанием на способность власти к организации правового государства, на способность народа к созданию гражданского общества, вызвал к жизни настоятельную потребность восстановить богатейший запас правовых идей отечественных мыслителей.

Наука о праве и государстве в XIX–XX вв. рассматривалась как ожившая мечта Платона и Аристотеля, и в этом своем качестве она была лишь отправной точкой дальнейшего развития науки в XXI веке. Сегодня мы вполне оценили тот парадокс, что предельные правовые абстракции служат средством контроля над нашим мышлением о правовых фактах.

Теория и философия права становится ведущей частью механизма функционирования правовой культуры как единой системы, без которой эта система не может обрести цельность, обосновать взаимосвязь права и нравственности, свободы и ответственности, общечеловеческих потребностей и индивидуальных склонностей. Не следует забывать и о том, что российское правосознание имеет свои, достаточно давние и глубоко укорененные традиции, восходящие к идеям Сперанского, Чичерина, Новгородцева, Спекторского, Вышеславцева, Алексеева и др.¹

Позитивизм в правоведении, господствовавший в советский период нашей истории, и сегодня оставляет мало места для проблем, входивших в круг интересов классической философии права. Если право трактовалось как выражение воли

¹ Альбов А. П., Шалин В. В. *Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации.* — 2-е изд., перераб. и доп. — Краснодар. — 2005. — С. 5.

господствующего класса, а законодательная деятельность служила воле одной политической партии, то вопросы об абсолютном в праве, об отношении права к вечным человеческим ценностям обречены были оставаться на периферии правосознания.

«Согласно легистскому подходу под правом имеется в виду продукт государства (его власти, воли, усмотрения, произвола). Право — приказ... То есть право сводится к принудительно-властным установлениям, к формальным источникам позитивного права. Право, таким образом, не имеет собственной объективной (независимой от власти) природы... Такое легистское отождествление права и закона присуще всем вариациям юридического позитивизма (и неоплатонизма), который по существу является не юридическим, а именно легистским позитивизмом. Легистское (позитивистское) правопонимание характерно для разного рода этатистских, авторитарных, деспотических, диктаторских, тоталитарных подходов к праву»². Очевидно, что такая трактовка отделяет писанный закон от сущности права, следовательно, такой подход к праву отвергает саму теорию права и юриспруденцию и формирует правовой нигилизм.

Вопрос о своеобразии отечественной философии права стал сегодня одним из самых актуальных. И это неслучайно, ведь от той или иной позиции, занятой ученым, зависит в конечном итоге формирование правовой культуры общества, национального правосознания. Философия и теория права в диалоговой форме стремятся выявить предельные универсалии: свобода, право, справедливость, человек и др., а также их основания как мотивы поведения и познавательных актов человека.

Обращаясь к истории этого вопроса, без труда можно увидеть, что успехи математического и механистического естествознания в эпоху Нового времени породили в научном сообществе уверенность в превосходстве естественнонаучных методов перед познавательными приемами других областей знания. Эту точку зрения в большей или меньшей степени разделяли все крупнейшие ученые того времени: Декарт и Гоббс, Спиноза и Лейбниц, отсюда их стремление сблизить социальную науку с наукой естественной. Под влиянием гипотез механистического естествознания создавались социальные теории, проникнутые идеями натурализма, основной смысл которых сводился к тому, что все общественные процессы можно объяснить исключительно рационально, опираясь на формальную логику.

Историзм Монтескье и объективный идеализм немецкой классической философии, прежде всего Г. В. Ф. Гегеля, стал закономерной реакцией на механицизм и натурализм Нового времени. Исторический процесс стал рассматриваться как необходимая составляющая анализа социальных отношений, которые имеют свои собственные законы, не сводимые к законам природы и механики. Методы естественных наук (математики, физики, биологии) вполне адекватны при объяснении процессов в области природы, но они вовсе не имеют универсального характера, поэтому немецкая классическая философия пытается преодолеть попытки истолковывать общественные процессы как проявления природы.

Отметим, что теоретико-методологическая база гегелевского исследования была иной, чем у Канта, поскольку Гегель исходил не из субъективного варианта диалектической методологии, а из объективного³. Не будет ошибкой сказать, что именно у Гегеля теория естественного права, разрабатываемая на основе диалектического метода, достигает наибольшей глубины. Разделяя точку зрения своих предшественников — И. Канта, Г. Фихте и Ф. Шеллинга — относительно того, что все явления действительности должны получить оправдание в разуме, Гегель утверждает, что разум присущ также и самой действительности в качестве ее порядка и смысла. «Задача философии — постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум»⁴.

Нужно заметить, что многие ученые в то время рассматривали гегелевскую диалектическую логику как некую абстрактную логическую схему. Этот взгляд не до конца преодолен и современным гегелеведением.

² *Юридическая энциклопедия / Под. общей ред. акад. Б. Н. Топорнина. — М.: Изд-во Юрист, 2001. — С. 785.*

³ См.: *Gadamer H.-G. Die Idee der Hegelschen Logik / Gadamer H. G. Hegels Dialektik: Sechs hermeneutische Studien. — Tübingen, 1980. — P. 69.*

⁴ *Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 55.*

В результате желания преодолеть «логицизм» немецкого идеализма, который основательно укоренился в философии после Гегеля, в науке в очередной раз возникает движение за возрождение натурализма, и именно в механистической его трактовке. Марксизм пытался преодолеть крайности натурализма при истолковании общественных явлений. Так, Маркс и Энгельс привнесли в науку о праве и государстве принцип историзма и экономического детерминизма.

Н. Н. Алексеев отмечал: «...в постоянном возвращении новейшей мысли к натуралистическим аналогиям марксизм является крайним и последним шагом. Социальная философия Маркса глубоко проникнута историзмом: Карл Маркс — это Монтескье XIX в., у которого историческое миросозерцание определено отношением к немецкому идеализму. Но перед Марксом, как и перед его французским предшественником, встает та же неразрешенная проблема, а именно вопрос о том, какие категории формируют историческое и изменчивое бытие, поднятое в противоположность механистическому миросозерцанию, на степень самостоятельного онтологического начала? В отличие от англо-французских историков, социологов и экономистов Маркс совершенно ясно понимает невозможность выразить «историческое» в понятиях механического естествознания. Однако где же искать новых понятий — на этот вопрос Маркс ответить не может. И вот опять историзм сочетается с гипотезой, взятой из механического естествознания, — сочетается с материализмом»⁵.

Действительно, Марксу казалось, что он преодолел методологические ошибки предшественников, но механистическая теория общества и теория исторического материализма — это звенья одной цепи, и утверждение марксистов, что исторический материализм полностью преодолел механицизм общественных теорий прошлого, мягко говоря, не соответствует действительности: «ошибка материализма — спекуляция на понижение», как отмечал Вышеславцев⁶.

В соответствии с этим учением на долгие годы утвердилось представление о том, что после социалистической революции и до полной победы коммунизма (то есть до отмирания государства) не может быть никакой другой государственности, кроме диктатуры пролетариата с присущими ей принципами, институтами, нормами, методами и режимом осуществления политической власти⁷.

В новом советском законодательстве не было четких и последовательных представлений о месте и роли права при социализме⁸. Общей методологической основой изучения проблем теории государства и права с начала 20-х годов XX в. был диалектический материализм, а одним из основных принципов развития и функционирования права — его классовость. «Все юридическое в основе своей имеет политическую природу», — писал К. Энгельс⁹. Предметом внимания советской юридической науки этого времени становились преимущественно политические вопросы теории революции, диктатуры пролетариата, научного обоснования принципов построения советского государственного аппарата и критика буржуазного государства и права¹⁰. Далеко не всегда уделялось внимание проблемам законности, правосознания и правовой культуры, преобладал революционный волюнтаризм и политическая демагогия.

П. И. Новгородцев в своих работах неоднократно показывал, что идеи марксизма были направлены на разрушение российской государственности, на попираание свободы личности. Для познания средствами рациональной науки противоречий

⁵ Алексеев Н. Н. *Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов // Очерки по истории и методологии общественных наук.* — М., 1912. — С. 269–270.

⁶ Вышеславцев Б. П. *Этика преображенного Эроса // Проблемы Закона и Благодати.* — М.: Республика, 1994. — С. 216.

⁷ См. подробнее: Нерсисянц В. С. *Идеи и конструкции правовой государственности: история и современность // Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / Отв. ред. В. С. Нерсисянц.* — М.: Юридическая литература, 1990. — С. 24.

⁸ См. подробнее: Стучка П. И. *Революционная роль права и государства: Общее учение о праве // Общее учение о праве и государстве. Ч. 1.* — М., 1921. — С. 14–18.

⁹ Энгельс Ф. *Положение Англии. Английская конституция / Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч., 2-е изд. — Т. 1. — М.: Дом политической литературы, 1955. — С. 635.

¹⁰ См. подробнее: *Теория государства и права / Под ред. Денисова А. И.* — М.: Изд-во МГУ, 1967. — С. 166.

общественной жизни русские ученые не всегда находили достаточную методологическую базу. Решение методологической задачи шло в рамках и иррационализма, и прагматизма, и интуитивизма.

«Чистая логика» неокантов, которым сочувствовали Н. Алексеев, Б. Вышеславцев, Г. Флоровский, П. Новгородцев, не удовлетворяла последних в сфере онтологии и метафизики. Они признавали также значение этического учения немецкого идеализма, и прежде всего Канта, но склонялись к тому, что распространять его выводы на общественные явления нужно с большой долей осторожности.

Так, Вышеславцев в своих сочинениях показывает, что понятие «трансцендентального», введенное Кантом, получив свое дальнейшее развитие у Фихте, приобрело значение Абсолюта, к которому становятся неприменимы рациональные категории¹¹. В дальнейшем эта методология нашла свое логическое выражение в феноменологической школе права. Здесь нужно иметь в виду, что это период высшего подъема интереса научной общественности к творчеству основателя современной феноменологии — Э. Гуссерля.

При разработке феноменологической методологии правовой науки Н. Н. Алексеев опирался на работы современных ему феноменологов: А. Рейнаха, который под непосредственным влиянием идей Э. Гуссерля одним из первых начал разрабатывать феноменологический метод построения априорного учения о праве, и П. Ф. Линке, который с позиций, близких феноменологической школе, занимался проблемами правовой онтологии, этики и юриспруденции. Среди работ Н. Н. Алексеева отмечаются «Основы философии права» (1924), «Религия, право и нравственность» (1930), «Теория государства» (1931) и ряд других, в которых ученый затрагивал проблемы взаимоотношений права, закона и нравственности, анализировал естественное и позитивное право и так называемую «концепцию правового идеала».

Н. Н. Алексеев полагал, что юридическая концепция правового государства является неполной и недостаточной для устройства современного государства. По его мнению, она нуждается в дополнении ее нравственным компонентом на основе религиозно-нравственных идей. «И разве власть, сознающая свои нравственные обязанности, будет хуже служить целому, чем власть, построенная на праве?»¹².

По его убеждению, нравственные качества правителей, а не право, являются основанием власти. Ученый считал, что теократическое государство совершеннее правового, которое он был склонен рассматривать скорее как внешнюю форму. Поэтому он предложил концепцию «праведного государства». Праведное государство должно строиться на принципах «демотии» — действительной воли народа, под которым ученый понимал совокупность исторических поколений, объединенных единством культуры, оформленной государством¹³.

В основе феноменологического подхода, подчеркивал Алексеев, лежит глубокая интуиция, открывающая некую новую сторону мирового целого и дающая целый ряд способов для его познания и постижения. Феноменология как интуиция всеобщего, как способ «вчувствоваться» и «вмыслиться» в идеи есть познавательный прием, открывающий перед сознанием ученого ряд совершенно новых отношений, в том числе и в области общественной жизни и права.

Феноменология обнаруживает перед правовой наукой новый мир духовных предметов. Особую ценность феноменологический метод приобрел в атмосфере философского эпигонства того времени, того, по словам Алексеева, особого способа философствования по поводу чужой философии, которое лишено подлинного предмета знания и выродилось в безжизненную и беспредметную книжную мудрость¹⁴.

¹¹ См.: Вышеславцев Б. П. Сочинения. — М.: Раритет, 1995; С. А. Левицкий, Б. П. Вышеславцев // Грани. — 1965. — № 57. — С. 164.

¹² История философии права / Отв. ред. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. — СПб.: Юридический институт, 1998. — С. 594–595.

¹³ Алексеев Н. Н. Основы философии права / Вступ. ст. А. П. Альбова и др. — СПб.: Юридический институт, 1998. — С. 217.

¹⁴ Там же. С. 37–41.

Вместе с тем русский правовед вовсе не абсолютизировал феноменологическую методологию, стремясь установить точные границы ее применения. Согласно его представлению, феноменология имеет по преимуществу методологическую значимость и не должна становиться особой формой мировоззрения, так как в этом случае она стала бы порождением все того же глубоко ошибочного стремления к «позитивизации», образцы которого можно найти в натурализме, биологизме и других попытках подменить целостность мира одной из его частей.

Алексеев постоянно подчеркивал, что феноменология не может быть отождествлена с философией права, хотя и является существенной частью всякой научно оформленной философско-правовой системы. Границы феноменологического метода он рассматривал также в связи с вопросом о правовом идеале. Считать, что феноменология может дать приемы и методы для прозрения правовых и социальных идеалов, значило бы, по его мнению, не отдавать отчета и в существо феноменологического исследования, и в природе идеала. Вопрос о правовом идеале он трактовал как один из общих вопросов мирозерцания, который не может быть решен только посредством феноменологической методологии.

В целом же в феноменологической философии ученые видели предпосылку для решения важнейшей задачи: избежать неправомерной рационализации объективной действительности, оставаясь при этом на почве рационального научного знания. Обобщая обширный современный материал по философии и теории права, они выстроили систему, основой которой выступают три важнейшие темы русской философии права: субъект права, ценность в праве, идеал правоотношений. В этих положениях, в частности, показывается глубокая взаимосвязь системы ценностей и системы права. Искаженные ценности, лежащие в основании исторически сформировавшегося права, искажают нравственный образ права, это в свою очередь становится барьером для познания человеком своих ценностей и идеалов, уводит его в иллюзорный мир утопий, извращая реальную картину мира и деформируя правосознание.

«Правовую феноменологию, как один из методов русской философии права, можно рассматривать как определенный вид экспликации и синтеза, с одной стороны, сциентистского момента кантовской методологии (усиленного в учении неокантианцев, работы которых оказали, наряду с философией жизни А. Бергсона, решающее влияние на становление феноменологии) и, с другой стороны, имплицитно содержащегося в ней момента иррационализма. Именно поэтому феноменология представлялась удачным методологическим решением для русской философии права, стремившейся к строгой научности и в то же время опасавшейся утратить гуманистический потенциал науки о праве в процессе технизации знания о человеке и обществе, которая неизбежно последовала бы при допущении возможности “просчета” всех сторон и сущностей общественной жизни. Представители русской философии права точно ухватили эту важную черту новейшего течения немецкой философской и методологической мысли и прежде всего с этой стороны интерпретировали и использовали феноменологический метод при построении теории права и государства»¹⁵.

В дальнейшем, в середине, а особенно во второй половине нашего столетия феноменологическая теория права стала одним из господствующих направлений в мировой юридической науке (Пауланзас, Майхофер и др.).

В настоящее время феноменология и феноменологические методы познания активно используются мировым научным сообществом. Однако абсолютизация этих методов и неправомерное расширение их в область правотворчества, формирования правосознания, выработки правовой культуры личности и общества, против чего выступал русский правовед, вовсе не являются редкостью. Поэтому остаются актуальными и значимыми как конкретные разработки Алексеевым проблем права с привлечением феноменологической методологии, так и ее научная критика.

В своем отношении к немецкой и вообще к западной теоретической и методологической основе правопонимания и правовой науки Алексеев продолжает традиции

¹⁵ См. подробнее: Альбов А. П. *Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (Теоретико-правовой анализ) / Дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1999. — С. 9.*

русской философии права, идущие от Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева. Они стремились воспринять наиболее ценные идеи и методы научного познания, быть в курсе каждого последнего слова европейской науки, и в то же время сохраняли по отношению к ней критическую дистанцию, заданную своеобразием русского национального мировоззрения и традициями отечественного правопонимания, основанными на православных ценностях.

Таким образом, все важнейшие направления русской философско-правовой мысли, даже если они и имели теоретико-методологическую базу, заимствованную из западноевропейской философии права, несли черты российской правовой культуры. Свообразие отечественной философии права можно свести к нескольким моментам. Во-первых, это своеобразие формы и стиля изложения при развитии западных идей, во-вторых — суть самих идей, которые основывались прежде всего на соотношении права и нравственности, свободы и обязанности, материального и духовного с акцентом на самобытном понимании внутренней, духовной жизни.

В русской философии права преобладало стремление к цельности знания и обостренное чувство реальности, которое сочеталось с признанием роли опыта — как чувственного, так и духовного, дающего возможность глубже понять сущность общественных процессов. В ней большое значение имела интеллектуальная интуиция, нравственный, социально-правовой опыт личности, а также религиозный и духовный опыт народа.

Ключевой вопрос философии права заключается в том, имеются ли заданные, объективные критерии справедливости, которые должен учитывать законодатель при создании новых законов и юрист при применении существующих законов. Эта проблема вызывала и по сей день вызывает полемику и разногласия. При отрицательном ответе нужно хотя бы признать, что вопрос о понятии «справедливость» этим не исчерпывается. Он возникает снова и снова, и должен решаться как всем обществом, так и каждым человеком в отдельности. Решение состоит в том, что в любом обществе нужно находить согласие относительно важнейших правовых ценностей и идеалов, оставаясь в пределах толерантного отношения к другой точке зрения.

Библиография

1. Алексеев, Н. Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов // Очерки по истории и методологии общественных наук. — М., 1912.
2. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Вступ. ст. А. П. Альбова и др. — СПб.: Юридический институт, 1998.
3. Альбов, А. П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (Теоретико-правовой анализ) / Дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1999.
4. Альбов, А. П., Шалин, В. В. Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации. — 2-е изд., перераб. и доп. — Краснодар. — 2005.
5. Вышеславцев Б. П. Сочинения. — М.: Раритет, 1995.
6. Вышеславцев, Б. П. Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати. — М.: Республика, 1994.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Изд-во Мысль, 1990.
8. История философии права / Отв. ред. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. — СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.
9. Левицкий, С. А. Вышеславцев, Б. П. // Грани. — 1965. — № 57.
10. Нерсесянц, В. С. Идеи и конструкции правовой государственности: история и современность // Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. — М.: Юридическая литература, 1990.
11. Стучка, П. И. Революционная роль права и государства: Общее учение о праве // Общее учение о праве и государстве. Ч. 1. — М., 1921.
12. Теория государства и права / Под ред. Денисова А. И. — М.: Изд-во МГУ, 1967.
13. Энгельс, Ф. Положение Англии. Английская конституция / Маркс К., Энгельс Ф. — Соч., 2-е изд. — Т. 1. — М.: Дом политической литературы, 1955.
14. Юридическая энциклопедия / Под. общей ред. акад. Б. Н. Топорнина. — М.: Изд-во Юрист, 2001.
15. Gadamer, H.-G. Die Idee der Hegelschen Logik / Gadamer H. G. Hegels Dialektik: Sechs hermeneutische Studien. — Tübingen, 1980.